

кредиторами, подлежащую бухгалтерскому учету и отражению в балансе в качестве долгов организации-балансодержателя»¹.

Отдельно следует отметить, что статус недвижимости предприятия приобрело не в силу физических свойств, то есть на основании существования неразрывной связи с землей или невозможности перемещения ущерба назначению, а в силу особого решения законодателя. Причины признания недвижимостью условно, законодатель относит ее к объектам как к особому объекту прав, что проявляется, во-первых, в том, что предприятие не упоминается в статье 177 ГК Украины, а вводится в специальной статье 191 ГК Украины; во-вторых, в том, что по составляющим элементам этот объект настолько неоднороден, что отнесение его к одной или иной группе объектов может быть осуществлено только исходя из характеристики его как особого имущественного комплекса, но не зависящего от природы составляющих его элементов, многие из которых в движимости не относятся. Предприятие является недвижимостью в силу его неразрывной связности с землей, а по решению законодателя распространить на этот специфический объект особенности правового режима, установленного для недвижимого имущества. Предприятие является объектом, который «выпадает» из классификации недвижимых движимых вещей, поскольку оно вещью, даже сложной, не является.

Признание предприятия недвижимостью, независимо от того, входит ли в его состав недвижимое имущество, вызвано необходимостью подчинения сделок с предприятием специальному правовому режиму недвижимости в целях повышенной надежности таких сделок, защиты прав как их участников, так и третьих лиц.

Анализ законодательства Украины дает достаточные основания для вывода о том, что существует тенденция к использованию различных терминов для обозначения одного и того же явления, а именно — нимия терминов. В этом случае следует воспользоваться утверждением Г.Ф. Шершеневича о том, что наше законодательство не выдерживает строгой терминологии и употребляет слово имущество вместо вещь, а вместо имущества говорит о собственности или об имении. Нашему мнению, примерно то же самое можно сказать и в отношении современного украинского законодательства, допускающего подобного рода смешения. Логика проведенного исследования такова: общие гражданские права — родовое понятие, имущество — видовое, вещи — подвид. Соответственно, понятия «вещи» обладают общими признаками понятий «объекты гражданского права» и «имущество». В то же время для понятия «вещи» характерны свои специальные признаки.

¹ Лебедев К. Понятие, состав и правовой режим кредиторской задолженности. Хозяйство и право. — 1998. — № 11.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. — М., 1995. — С. 118.

Понятие «имущество» имеет в праве несколько значений:
— сумма принадлежащих лицу и выраженных в денежной форме
бумаг активов;
— чистое имущество, остающееся после вычитания долгов;
— сумма имущественных прав и долгов, активы и пассивы лица, имущество как предмет наследственного преемства;
— отдельный объект, входящий в состав имущества.

В каждом отдельном случае, в зависимости от оценки, термин «имущество» будет иметь свое значение.

Понятие «имущественный комплекс» используется отечественным законодателем для определения не только предприятия как объекта прав. Эта конструкция используется гражданским законодательством Украины и для обозначения других отдельных, связанных между собой групп вещей и имущественных отношений.

Понятие «имущественного комплекса» не только многозначно, но и со своим содержанием, далеко выходящим за частую не имеющую с предприятием, выражает глубинные философско-правовые тенденции, обозначившиеся в гражданском праве.

С.Г. Пишина

К вопросу о соотношении конкретизации и толкования гражданского законодательства в современной России

Проблема определения соотношения конкретизации и толкования определена характером и состоянием современного гражданского оборота в России.

Иследователи подчеркивают отсутствие договорной дисциплинирующей, что причиной является отношение контрагентов к своим юридическим обязательствам, основанное на принципе свободы договора. Критика подвергается применение в гражданско-правовой практике оценочных понятий².

¹ например: Цветков И.В. О некоторых аспектах совершенствования гражданского законодательства: опыт судебной практики // Российский судья. — 2006. — Интервью с заведующим кафедрой коммерческого права и основ правоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, доктором юридических наук, профессором Чининским // Законодательство. — 2005. — № 4. — С. 3.

² Гуляев Н.А. Основания исключения участника из общества с ограниченной ответственностью // Законодательство и экономика. — 2004. — № 8.

Выходом из создавшейся ситуации считается конкретизация законодательства¹. Однако в связи с этим возникает проблема определения понятия конкретизации и ее соотношения с толкованием и правоприменением. Исследователи предлагают конкретизировать нормы путем законотворчества и официального толкования. Законодатель конкретизирует законодательство путем создания специальных норм, вышесшие органы судебной системы уполномочены на официальное толкование. Поэтому в целях упорядочения гражданского оборота необходимо разграничить понятия толкования и конкретизации.

К конкретизации И.Н. Сенякин относит «формирование правовых предписаний, уточняющих содержание общих положений общефедеративных законодательных актов за счет уменьшения их объема»². Аналогично высказываются И.М. Рабинович и Г.Г. Шмелева, утверждая, что «официальная конкретизация права — это осуществляемая государственными и иными уполномоченными органами деятельность по уменьшению объема понятия юридических норм на основе расширения их содержания, результаты которой фиксируются в определенных правовых актах»³.

Неоднозначно рассматривается вопрос о соотношении конкретизации и толкования. Н.Г. Александров⁴, А.С. Пиголкин⁵, А.Ф. Черданцев⁶ считают конкретизацию средством толкования. П.Е. Недбайлов⁷, Н.Н. Волленко⁸ считают толкование средством конкретизации. А.К. Безина, В.В. Лазарев⁹, В.Н. Карташов¹⁰, И.М. Рабинович, Г.Г. Шмелева¹¹ рассматривают толкование и конкретизацию как отдельные процессы.

¹ См.: Родионова О.М. К вопросу о системных проблемах российского гражданского законодательства // Бюллетень нотариальной практики. — 2007. — № 1; Тузов Н.А. Основания исключения участника из общества с ограниченной ответственностью // Законодательство и экономика. — 2004. — № 8.

² Цит. по: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — М., 1997. — С. 391.

³ Рабинович И.М. Конкретизация правовых норм (Общетеоретические проблемы) / И.М. Рабинович, Г.Г. Шмелева // Правоведение. — 1985. — № 6. — С. 31—39.

⁴ См.: Александров Н.Г. Применение норм советского социалистического права. — М., 1958. — С. 16, 28.

⁵ См.: Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в ССРС. — М., 1962. — С. 17.

⁶ См.: Черданцев А.Ф. Толкование советского права. — М., 1979. — С. 12.

⁷ См.: Недбайлов П.Е. Применение советских правовых норм. — М., 1960. — С. 439—493.

⁸ См.: Волленко Н.Н. Официальное толкование норм права. — М., 1976. — С. 25.

⁹ См.: Безина А.К. Конкретизация права в судебной практике / А.К. Безина, В.В. Лазарев // Советская юстиция. — 1968. — № 2. — С. 6.

¹⁰ См.: Карташов В.Н. Институту аналогии в советском праве: вопросы теории. — Саратов, 1976. — С. 44.

¹¹ См.: Рабинович И.М. Конкретизация правовых норм (Общетеоретические проблемы) / И.М. Рабинович, Г.Г. Шмелева // Правоведение. — 1985. — № 6. — С. 31—39.

Полагаем, что толкование и конкретизация представляют собой самостоятельные, принципиально отличающиеся друг от друга процессы. Целью и содержанием толкования является уяснение и разъяснение смысла правовых норм, которое должно находиться в рамках смысла интерпретируемой нормы. Даже с учетом разнообразия в итоге результата толкования интерпретатор не вправе создавать новые правовые предписания. Таким образом, смысл и результат толкования отличаются от направленности и итога конкретизации. На этом основании их следует считать самостоятельными, не подчиненными друг другу процессами.

И.М. Рабинович и Г.Г. Шмелева считают, что конкретизация осуществляется и законодателем, и правоприменителем, однако результат правоприменительной конкретизации не совпадает с результатом конкретизируемых юридических норм¹.

Отталкиваясь от этого, можно прийти к выводу о том, что конкретизация и толкование, хотя бы в случае правоприменения, и по содержанию, и по результату полностью совпадают. Однако результатом правоприменения не может быть новая норма, так как в процессе применения нормы осуществляется ее толкование в связи с необходимостью регулирования правоотношения. Поэтому мы считаем, что в правоприменении конкретизации не происходит.

Конкретизация отсутствует и в процессе официального толкования, так как целью официального толкования является выяснение и разъяснение закрепленного в ней законодателем смысла, а не его конкретирования.

Примером соответствующего закону, не содержащего конкретизации, надлежащего, с нашей точки зрения, акта официального толкования является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 года № 4 «О практике рассмотрения судами Российской Федерации дел об ограничении дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими средствами» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 11, от 25 октября 1996 г. № 10)². В пункте 1 данного постановления справедливо указано, что правильное применение статьи 10 ГК РФ направлено на защиту прав и охраняемых законом интересов членов семьи лиц, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими средствами, и самих указанных граждан. В пункте 2 уточняется, что под ограничением дееспособности следует пони-

¹ См.: Рабинович И.М. Конкретизация правовых норм (Общетеоретические проблемы) / И.М. Рабинович, Г.Г. Шмелева // Правоведение. — 1985. — № 6. — С. 31—39.
² ОПО «Консультант Плюс». — 2007. — 3 сентября.

M.B. Карпичев

Некоторые вопросы конкретизации законодательства о представлении интересов юридических лиц в сфере частноправовых и публично-правовых отношений

мать лишение судом гражданина права без согласия попечителя совершать указанные сделки (продавать, дарить, завещать, поку- пать имущество, кроме мелких бытовых сделок) и непосредственно самому получать указанные виды доходов (заработную плату, пен- сию, авторский гонорар... вознаграждение за открытия, изобрете- ния, пособия и т. п.).

Эти пункты разъясняют положения статьи 30 ГК РФ, но не выходит за рамки ее смысла. Таким образом, в результате официального тол-кования не создана новая норма и в соответствии с законом не нару-шена компетенция законодателя.

Иное понимание задач органов официального толкования приво-дит к ошибочным выводам о деятельности органов судебной системы и о направлении деятельности участников гражданского оборота.

Так, Н.А. Тузов указывает, что в пункте 17 постановления пле-numов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 1999 года № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответствен-ностью»», разъясняющем основания исключения из общества с ограниченной ответственностью его участника в статье 10 Феде-рального закона от 8 февраля 1998 года «Об обществах с ограни-ченной ответственностью», конкретизирующий понятийный при-чин от участия в общем собрании общества» не является досто-точным разъяснением, так как не раскрыто понятие «систематиче-ское уклонение»¹.

На наш взгляд, в данном случае Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ добросовестно справились с задачами офи-циального толкования, разумно воздержавшись от конкретизации правовых норм. Диспозитивность гражданско-правового регулиро-вания предполагает свободу усмотрения участников гражданско-правовых отношений. Поэтому наличие оценочных понятий неиз-бежно. Не следует стремиться к их предельно точному разъяснению, так как результат разъяснения неправомерно ограничит сферу дей-ствия нормы.

Полагаем, что именно такое понимание соотношения конкретиза-ции, толкования и правоприменения способно упорядочить граждан-ский оборот современной России.

Юридические лица являются специфическим субъектом правовых отношений, поскольку действия от их имени в любом случае могут быть совершены только физическим лицом.

В соответствии с пунктом 1 статьи 53 ГК РФ юридическое лицо при-обретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязан-ности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. Кроме того, в соот-ветствии с пунктом 2 статьи 53 ГК РФ в предусмотренных законом случа-ях юридическое лицо может приобретать гражданские права и прини-мать на себя гражданские обязанности через своих участников. Такие случаи в настоящее время предусмотрены только для хозяйственных товариществ, в которых органы юридического лица не создаются, и от имен которых выступают участники — полные товарищи.

Кроме того, права и обязанности могут быть приобретены юриди-ческим лицом также в порядке статьи 182 ГК РФ через представителя, являющегося или не являющегося работником юридического лица. В связи с этим, может быть, вопрос о представлении интересов юри-дического лица решается в трех аспектах:

- 1) представление со стороны органов или учредителей;
- 2) представление со стороны работников;
- 3) представление со стороны иных лиц.

В цивилистике иногда рассматривают деятельность органов юри-дического лица как один из видов представительства. Такую точку зрения высказывает, в частности, Ю.Л. Мареев², рассматривающий деятельность органов юридического лица в гражданском процессе как разновидность обязательного представительства (уставное пред-ставительство). Эта позиция неоднократно высказывалась и в рос-сийской дореволюционной³, и в иностранной⁴ юридической литературе.

¹ См.: Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. — М., 1999. — С. 81.
² См.: Нерсесов Н.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве // Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. — М., 1998. — С. 27; Гордон А. Представительство в граж-данском праве: Исследование А. Гордона. — СПб., 1879. — С. 100–101.

³ См.: Шапп Я. Основы гражданского права Германии: Учебник. — М., 1996. — С. 243–244; Саказ Вагацумя. Гражданское право Японии. В 2 кн. / Вагацумя Саказ, Ариидзуми Тору. — М., 1983. — Кн. 1. — С. 85.

⁴ Российская газета. — 2000. — 27 января.

⁵ См.: Тузов Н.А. Основания исключения участника из общества с ограниченной ответственностью // Законодательство и экономика. — 2004. — № 8.